

## Знамение креста в храмах и на иконах Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей

Икона — неотъемлемая часть духовной и архитектурно-художественной культуры Кирилло-Белозерского монастыря. Истоки этой культуры восходят к основателю монастыря — преподобному Кириллу Белозерскому.

Преподобный Кирилл Белозерский — сподвижник и любимый собеседник преподобного Сергия Радонежского, величайшего здателя Пресвятой Руси, глубочайшего созерцателя тайны Святой Троицы, земным умом несозерцаемой. Время преподобных Сергия и Кирилла явилось расцветом русского исихазма, знаменовало беспрецедентный в российской истории подъем православного духа. Чем мрачнее была очевидная историческая действительность, тем большими верой, надеждой и любовью исполнялись души русских святых. Святые — это духовное сердце нации. Причастие преподобного Сергия и его святых соратников к Царству не от мира сего явилось сокровенным залогом возрождения нации. Без постепенного духовного возвеличения русского народа не было бы и величия России: Святая Русь в лице своих святых искала прежде всего Царства Божия, а остальное прилагалось: и величие государственное, и крепость экономическая, и богатство культурное. Во главе этого сокровенного созидания шли русские святые, вооруженные крестом — знаменем «непобедимой победы».

По древней христианской традиции, строительство монастырей, как правило, начиналось с установления креста на избранном месте. Так было и при основании двух крупнейших обителей России — Троице-Сергиевой лавры и Кирилло-Белозерского монастыря. Присущая кресту всемогущая Божия сила и просвящает все концы, и собирает их воедино. Вертикаль и горизонталь креста простираются бесконечно в высоту-глубину, широту-долготу и в то же время соединяются в центре — в безмолвном и недвижимом средоточии. Тайна святости, в том числе такого ее глубочайшего проявления, как исихазм, — это и тайна креста. Исихия (безмолвие) достижима только чрез соединение крестом ума, сердца и воли. Это то тринеднство, которое уподобляет человека премирному миру и безмолвию Пресвятой Троицы.

Преподобные Сергий и Кирилл, каждый по своему, являлись таинниками троничного богословия [1]. Монастырь одного основан во имя Пресвятой Троицы, монастырь другого — во имя Пресвятой Богородицы. Но это лишь различные имен при единстве в исповедании троничного догмата, ибо тайна креста — тайна Предвечного Совета Пресвятой Троицы — воплощается чрез Богородицу. Крест, Богородица, Лествица — внутренне нераздельны в церковно-славянских текстах. Поэтому нет случайности в том, что первую на пути к центральной храмовой части Кирилло-Белозерского монастыря является церковь преподобного Иоанна Лествичника (1572 г.). Храм, поставленный именно здесь, над святыми воротами, как бы свидетельствует: монастырь — это лествица, возводящая человека с земли греха и самолюбия на небо блага и совершенства. Создатели церкви Иоанна Лествичника не могли не знать и о том, что среди рукописных книг преподобного Кирилла Белозерского была «Лествица» Иоанна Синайского. Празднование преподобному Иоанну Лествичнику всегда приходится на Великий пост — на то время в богослужбном году, которое особенно приближается к тайне креста, а значит, и к тайне Богородицы, к тайне воплощения. Не случайно накануне Благовещения на великом повечерии читаются гл. 28 из книги Бытие, и гл. 3 из книги Исход, в которых говорится о видении лествицы Иаковом и о Неопалимой Купине<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> *Примечательно, что видение Моисеем Неопалимой Купины изображено на щече северной подружной арки Святых врат.*

Сама церковь с прилегающими к ней по сторонам зданиями изображает крест, что особенно отчетливо видно по направлению от Московской башни. Увенчивает главу церкви крест с орудиями страстей. Подобный же крест встречается в монастыре еще один раз — на главе церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Если надвратная церковь Иоанна Лествичника путеводит к Богородице более сокровенно, то в Успенском соборе это путеводство воплощено более явно. Успенский собор (1497 г.) с пристроен-

ными к нему церквами — это следующее величественное сооружение, которое предстает взору человека, идущего в монастырь. Наконец, замыкает монастырь по направлению север—юг церковь Преображения Господня (1595 г.). Архитектурное завершение церкви вторит композиционной схеме Преображения Господня: центральная глава храма и две над приделами ассоциируются с Христом и пророками, три шпица — с тремя апостолами, а корона кокошников — с горой Фавор. Путь человека, вошедшего в монастырь, завершается по направлению север—юг церковью Преображения — таким образом зримо начертывается незримое восхождение по лестнице совершенства, которое приводит на вершину Фавора, содействует его причастником несотворенного Божественного Света. На восток от Успенского собора расположены церкви Усекновения главы Крестителя Господня Иоанна и преподобного Сергия Радонежского. Налицо крестообразное расположение основных храмов монастыря по направлениям восток—запад, юг—север. Успенский собор оказывается в центре креста. В пространстве между собором и церковью преподобного Кирилла Белозерского покоятся под спудом мощи преподобного Кирилла. В средоточии начертанных храмами креста сокровенно пребывает преподобный Кирилл Белозерский — главный хранитель и главный здатель монастыря. Именно молитвенным попечением преподобного возрастало видимое и невидимое величие монастыря. Именно по предстательству преподобного у престола Царя царствующих стоит неодолимо святая обитель и по сей день.

Храмы монастыря своим расположением начертывают и крест и круг. Кирилло-Белозерский монастырь, как дом и престол Пресвятой Богородицы, своей центральной частью изображает путь Богородицы. Сей путь, праздничный и победный, почти по подобию круга, изображается храмами, престольные праздники которых посвящены преподобному Иоанну Лествичнику (образ лестницы), Введению Пресвятой Богородицы во храм, Собору архангела Гавриила (знаменует тайну Боговоплощения, празднуется вслед за Благовещением), преподобному Кириллу Белозерскому (избраннику Богородицы), святому равноапостольному князю Владимиру (крестителю и просветителю той державы, которая является последним уделом Пресвятой Девы), Святителю Епифанию, епископу Кипрскому (одному из хранителей предания об Успении Богородицы и доблестному воину против ересей, которыми диавол воздвигал пядю на Бога и Богородицу). Движение по этому пути, почти кругообразное, возвращается к церкви преподобного Иоанна Лествичника.

О неслучайности сего возвещает одна из стихир, посвященных Успению Приснодевы: «О

дивное чудо! Источник жизни во гробе полагается, и лестница к Небеси гроб бывает». Присутствие колокольни в чреде храмов тоже имеет внутреннюю закономерность. Колокольня построена между церквами архангела Гавриила и Введения. Колокольный звон, минуя века, несет нам ту благую весть, которую на заре нашего спасения услышала Богородица от архангела Гавриила. Колокольный звон освящает воздух и, подобно кресту, соединяет небо и землю.

В изображениях монастырскими храмами круга или креста есть внутреннее тождество. Крест, по сути неопишуемый, может вписываться в круг. Подобным образом Богородица вмещает Невместимого. Описывает свою девственную утробой Неопишуемого. Круг символизирует вечность — такое же значение имеет и крест, соединяя в своем центре высоту будущего, глубину прошлого и широту-долготу настоящего времени. Чем, как не предельно сжатым кругом является средоточие креста? В композиции иконы «Пресвятая Троица» работы преподобного Андрея Рублева есть и крест и круг. Иным изобразительным языком круг выражает то же, что и крест: единство и вечность творения, созданного по образу Божию. Разве не о духовном тождестве креста и круга свидетельствует, например, присутий изображениям Христа крещатый нимб?

Основное каменное строительство в Кирилло-Белозерском монастыре велось с конца XV по XVIII в. Вполне естественно, что создатели и украшители отдельных храмов не знали, какой окончательный облик примет монастырь. Каждый из них с великим тщанием и страхом Божиим по частям воплощал тот общий архитектурно-иконописный замысел, который молитвенно возглавлял преподобный Кирилл Белозерский. Неповторимая красота и величие обители созидались при сокровенном молитвенном попечении ее святого основателя.

Первой иконой Кирилло-Белозерского монастыря была «Одигитрия, что явилась Кириллу» (так она названа в Переписной книге 1621 г.). Эту икону преподобный принес с собой из Москвы, и она положила начало уникальному и богатейшему монастырскому собранию икон. Первая Переписная книга 1601 г. свидетельствует об огромном количестве икон, украшавших храмы монастыря. До наших дней дошла крайне незначительная, но, без преувеличения, главная часть бывшего богатства. Утрачены очень многие пядницы (иконы размером примерно с человеческую ладонь), а также иконы, помещавшиеся в алтарях, на стенах и столпах храмов. Но сохранились четыре первоначальных иконности: в Успенском соборе (1497 г.), в церкви святого Иоанна Лествичника (1572 г.), в церкви Преображения (1595 г.), в церкви святого Епифания (1645 г.). На сей день ни в одном из монастырей России нет такого количества древних иконо-

стасов<sup>2</sup>. Кирилло-Белозерский монастырь привле-

<sup>2</sup> *К сожалению, уже после закрытия монастыря, в период существования музея (20–30-е годы) утрачены иконостасы в церквях Введения, архангела Гавриила, преподобного Кирилла Белозерского.*

кал в свои стены, умело организовывал и молитвенно окормлял работу лучших иконописцев средневековой Руси: все наиболее совершенные произведения созданы, как правило, московскими, реже ростовскими и новгородскими мастерами. Работу местных белозерских художников тоже отличает высокий профессионализм: они обычно сле-

довали лучшим столичным образцам, внося в то же время в свои иконы неповторимое своеобразие.

Иконостас Успенского собора — самый ранний и значительный из сохранившихся. Большая часть икон датируется 1497 г. — временем освящения нового, каменного храма.

Судя по первой монастырской описи 1601 г., в Успенском соборе, помимо иконостаса, помещалось очень много икон в киотах, висели пелены с лицевым и орнаментальным шитьем, стояли «тощие» свечи, было пять паникадил. Примечательно, что на правой стороне от царских дверей стоял «образ пречистые богородицы одегитрия чудотворной... что явилась чудотворцу Кирилу». Здесь же, в местном ряду, среди прочих икон были «образ Кирилла чудотворца» и образ «пречистые богородицы воплощение со архангелы да Кирилл чудотворец». В Успенском соборе, кроме иконостаса, помещались еще шесть икон с изображением Кирилла Белозерского. Подобный факт свидетельствует, насколько чтили преподобного в монастыре.

Тридцать три из шестидесяти уцелевших до нашего времени древних икон находятся в Кириллове, остальные — в Русском музее, Третьяковской галерее и в музее имени преподобного Андрея Рублева. Вывоз икон производился в 1920-х годах. Успенский иконостас уникален по времени создания, по количеству икон, их прекрасной сохранности и изобразительно-смысловым достоинствам. Иконы для иконостаса писали приглашенные мастера, так как задачи собственной монастырской мастерской на всех этапах ее существования были скромными. Все ответственные художественные работы за редким исключением поручались наемным мастерам-профессионалам [2, 11]. По всей вероятности, иконостас написан не большой группой, а всего тремя мастерами [2, 154], ведущий из которых был связан с московской традицией [2, 182].

В XVIII в. первоначальную тязловую конструкцию иконостаса заменили на новую. «Сейчас в соборе находится резной позолоченный четырехъярусный иконостас, включающий местный ряд (5 икон XV–XVII вв.), праздничный (15 икон XV в.), денсусный (16 икон XV в.) и праотеческий (16 икон XVII в.). Завершается он резным расприя-

тием в медальоне, увенчанном короной. Пророческого ряда в иконостасе на обычном месте нет, но под местными иконами устроены невысокого рельефа резные панно. В центре каждого панно в фигурную профилированную прорезь вставлена доска с живописным поясным изображением пророка (XVIII в.) [2, 12]. Несмотря на перестройку иконостаса, в нем, пусть в меньшей степени, все же сохранилось единство. Древний иконостас в православном храме, и Успенский собор — тому подтверждение, является не суммой прекрасных икон, а ансамблем, единой иконой, задача которой — «быть светлыми вратами неизреченных тайн, путем божественного восхождения» [3].

Храмовая икона «Успение» начала XV в. происходит, вероятно, из деревянной церкви Успения Пресвятой Богородицы, откуда переходит и в каменный собор. Написана икона русским мастером под влиянием, как считают специалисты, поздневизантийской живописи. По глубине содержания эта икона выделяется не только среди кирилловского собрания, но принадлежит к числу самых лучших на тему Успения. По сути, это главная икона в монастыре, посвященном Успению Пресвятой Богородицы. Это та икона, перед которой молился преподобный Кирилл Белозерский.

Успение — это славное и победное увенчание земного пути Богородицы, это дверь, открытая в жизнь нескончаемую, и поэтому центром композиции является Христос — «Начальник живота». Его победоносная фигура, энергичный жест рук, возносящих душу Богородицы, охристое, с золотым ассистом одеяние, лик с активными высветлениями и подрумянкой — все утверждает жизнь, а не смерть. Ритм склоненных в печали фигур, поднимающихся выше и выше — к Христу, килевидная форма мандорлы, сам Спаситель, подобный свече, — все в иконе устремлено от земли к небу, от тленного к нетленному. Тело усопшей Богородицы и Христос составляют горизонталь и вертикаль креста — того знамени, которое направляет и ведет к Источнику Живота, к Богу. Вертикаль с горизонталью выделены и композиционным ритмом, и цветом. Надгробная печаль в ликах склонившихся к Богородице апостолов побеждается светом, — светом в самих ликах, светом энергичных пробелов в их одеждах, светом Живой Свечи — Христа.

Окном из смерти в жизнь является эта икона. Успение увенчивает земной путь и открывает путь небесный. И на том и на другом Путеводителем является Тот, Который свидетельствует о Себе: «Аз есмь Путь, и Истина, и Живот». Путь этот начертан в иконе крестом — чрез единство Богородицы и Христа.

Праздничный чин из иконостаса Успенского собора является подробным изображением земного пути Богородицы и Христа. Этот путь креста, путь

непобедимой победы начинается иконой «Рождество Пресвятой Богородицы» и завершается «Успением Пресвятой Богородицы». В Успенском соборе живописное единство присуще и иконостасу в целом, и каждому чину в нем. Например, в праздничном чине, несмотря на наличие московской и новгородской иконописных традиций, каждая икона является составной частью единого целого — единого пути. Каждая икона, будучи внутренне завершенной, в то же время неотделима от других в едином для всего чина композиционно-цветовом движении слева направо, которое задано первыми изображениями — «Рождество Богородицы», «Введение во храм», «Благовещение». Движение Богородицы, входящей во храм в иконе «Введение», продолжает архангел Гавриил в «Благовещении». Но праздничный чин — это не только движение по пути креста. В то же время это и великая Божественная неподвижность, особенно присущая иконам «Распятие», «Успение». Момент Божественной тишины ощутим в каждой иконе чина. Композиции икон построены так, что средоточием этой тишины в Богородичных «праздниках» является Богородица, а в Господских — Христос. Например, в иконе «Введение Богородицы во храм» трехлетняя Мария является центром композиции, хотя ее фигура — самая маленькая из всех изображенных. Такому ощущению содействуют склоненные к Марии фигуры первосвященника и супругов, движения их рук, одежд. Богородицу троекратно осеняют вначале главы склоненных родителей, а затем — лазурная сень кивория и красный велум, что знаменует Троичное Божественное покровительство над Марией. Киворий осеняет в храмах священнейшую часть — престол, поэтому в этой иконе Богородица, осеняемая киворием, Сама является живым одушевленным престолом для Царя царствующих. Как престол освящает храм, так и Богородица Своим введением в Иерусалимский храм освящает его, «благодать совводящи».

В иконе «Крещение» композиционное движение нисходит из сегмента неба в виде троично членящегося луча и становится воплощенным в фигуре Христа — это вертикаль начертанного в иконе креста. А горизонталь живописуют склоненная фигура Иоанна Предтечи, лик Спасителя и ангельские лики. Другое название изображенного праздника — Святое Богоявление.

Сей образ свидетельствует: Бог является человеку в крещении и чрез крест. Каждая икона своей композицией, рисунком, цветом являет крест: в одних случаях более сокровенно, в других более очевидно. Именно крест придает иконе особую цельность, единство и красоту.

Почти одновременно с иконостасом Успенского собора на рубеже XV—XVI вв. создается иконостас в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова

монастыря под руководством знаменитого «началохудожника» Дионисия. Иконостас почти полностью сохранился. Часть икон написана самим Дионисием. В их числе — икона из деисуса «Святитель Николай». Светоносным ликом и облачениями, плавностью контура фигуры, тишиною сосредоточенного внутрь взгляда свидетельствуется нашему миру мир премирный, свет пресветлый. Архиепископ Николай изображен в состоянии молитвы, в состоянии созерцания несозерцаемого, постижения непостижимого. Взглядом святитель устремлен внутрь, а ликом обращен к нам — тем самым он и нас путеводит от тленного к нетленному, от красоты мира сего к красоте премирной, Божественной — перстным умом необъемлемой, словом необъяснимой.

Изображения пророков в пророческом чине того же иконостаса и внешне (жестами, позами, направлением глав) и внутренне (через молитву) устремлены в едином движении к средоточию чина — к «Богородице “Знамение”». «Богородица “Знамение”» выделяется в чине не только композиционно, но и цветом — это самая яркая из икон. Руки Богородицы воздеты в молитвенно-крестообразном жесте. Величавую полуфигуру Богородицы и выразительно раскрытыми ладонями рук начертан крест, центром которого является лик Богомладенца Христа. «Богородица “Знамение”» изображает собою знамя креста — знамя нашего спасения и победы над смертью и грехом.

«Богородица “Знамение”» открыто являет и воплощает то, о чем прикровенно пророчествовали пророки. Плавным контуром своей полуфигуры Богородица уподобляется храму — вместилищу Невместимого. Полуфигура Богомладенца Христа в золотисто-охристом облачении выглядит еще более ярко на фоне одежды Богородицы — темно-вишневой и темно-зеленой по цвету. Лик Богомладенца, окруженный золотым крещатым нимбом, является живописным образом того животворящего Солнца Правды, Которое чрез Богородицу воссияло падшему и сущему во тьме человечеству. Пророческим молитвенным видением этого Невидимого Солнца исполнены лики пророков, изображенных по сторонам Богородицы. Такое видение даруется только силою креста, проникающей в высоту будущего, глубину прошлого и широту-долготу настоящего. Именно сосредоточивающую силою креста и молитвы ум человека, скитающийся по пустыням всякой нечистоты и злобы, нисходит в сердце и неслитно сочетается со Христом — Начальником тишины<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> Для сравнения: «Ты бо Богоневестная, Начальника тишины Христа родила»

В иконе «Богородица “Знамение”» молящаяся Приснодева изображена и единою с Начальником тишины (благодаря сходному контуру полуфигур), и не-

*еси, едина Пречистая» (3-я песнь Канона млобного ко Пресвятой Богородице).*

слитною (благодаря четкому выделению силуэта Богомладенца Христа). Духом радости непреходящей и духом молитвы непрестанной веет на нас с икон пророческого чина. Пророческие

иконы из собора Рождества Богородицы близки пророкам из Успенского собора и по исполнению, и по духовной мощи иконописных образов, хотя композиционное построение чина здесь уже совсем другое. Изображениям пророков из Успенского иконостаса присуща еще большая величественность, сосредоточенность и молитвенная сила.

Иконостасы Успенского Кирилло-Белозерского и Рождественского Ферапонтова соборов, близки не только хронологически, географически, художественно-стилистически — они близки и по высокому иконописно-молитвенному уровню. И это естественно, ибо Ферапонтов монастырь является одной из многих ветвей от могучего духовного корня — монастыря Кирилло-Белозерского.

Следующим по времени иконостасом, сохранившимся до нашего времени, является иконостас церкви Иоанна Лествичника. К XVI в. относятся местный, денсусный, пророческий чины, резные позолоченные царские врата, а также роспись тябловых брусьев. В XVII в. написаны праздничные иконы, а в XVIII — праздничный чин (который заменил древние «праздники»), иконы «Богородица «Седмиезерная»» и «Богородица «Знамение»».

Несмотря на разновременность икон, иконостасу присуща цельность, которую не нарушает даже праздничный чин с элементами жанровости в трактовке сюжетов. Содействует ощущению цельности древнее тябловое устройство иконостаса. Из поздних икон в среду XVI в. особенно органично входит образ «Богородицы «Седмиезерной»». Икона является удачной стилизацией XVIII в. под век XVI-й. Взгляд Богородицы устремлен и внутрь Себя, и на нас, а благословляющим движением руки Она вторит благословлению Христа из денсуса. Это нераздельное движение точно объединяет местный и денсусный чины. Благословляющая рука Богородицы направлена в сторону Богомладенца и царских врат: Христос чрез Богородицу путеводит нас к вратам в Царство не от мира сего.

Иконостас церкви святого Иоанна Лествичника написан местными белозерскими мастерами, как считает О. В. Лелекова (руководитель группы московских реставраторов, восстановивших иконостас). В действующем Успенском соборе (1553 г.) города Белозерска есть денсус, по манере письма очень близкий кирилловскому. Иконография денсуса традиционна (близка рублевскому звенигородскому чину), но в то же время иконы очень своеобразны. Необычен для кирилловских иконостасов колорит и денсусного, и пророческо-

го чиннов: цвета одежд, в основном темных, близки цвету фонов, тоже темных. Такой колорит, обычно свойственный северным письмам, именно в этом иконостасе особенно уместен в связи с временем храмового праздника, который всегда приходится на Великий пост. Тем ярче выделяются из темной цветовой среды белые свитки пророков, напоминающие паруса надежды, а также красные и охристые одеяния. Особенно выделяется раскрытое Евангелие в левой руке Христа. На фоне иссиня-черного гиматия белые страницы вечной книги, подчеркнутые широкой красной лентой обреза, становятся цветовым средоточием иконостаса. Евангелие, наряду с благославляющей десницей Христа, выделяется и композиционно — своим центральным положением в иконостасе. Прообразовательно начертанное на пророческих свитках становится явью в Божественном призыве к нам, который звучит со страниц Евангелия: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные...» Это призыв к великопостному крестному пути, в конце которого — блаженное упокоение от мятежа страстей и всяческой смуты. Христос и благословляет на путь и учит, как идти: «И научитися от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем...»

Пророческий чин изображает время до Рождества Христова, праздничный — события земной жизни Христа, денсусный — момент настоящий (сейчас, сию минуту Небесная Церковь, единая с земною, молится о спасении рода человеческого), и, наконец, царские врата знаменуют будущее, ибо это образ врат в Царство Небесное. В иконостасе изобразительно соединяются будущее, настоящее, прошлое. Иконостас являет единым то, что едино для Бога в сокровенном Предвечном Совете Пресвятой Троицы. Такое единство, чему содействует тябловое устройство иконостаса, заложено уже в самом вертикально-горизонтальном расположении изображений. Вертикаль начертывают «Богородица «Знамение»», Христос и царские врата, а горизонталь проходит через руки и лики святых в денсусном чине. Центром, сердцем изображенного таким образом креста является Христос, Его благословляющая десница. Иконостасом изображаются основные богослужебные действия — видимые и невидимые, средоточием которых тоже является Христос.

Другим крупным иконостасом Кирилло-Белозерского монастыря является иконостас церкви Преображения, датируемый по времени освящения храма 1595 г. В XVIII в. написан праздничный чин, который заменил древние иконы. Все остальные изображения уже упоминаются в описи 1601 г. Иконостас церкви Преображения написала, как считают И. А. Кочетков и О. В. Лелекова, небольшая группа мастеров, связанных с каким-то север-

ным художественным центром. В общем иконописном решении иконостаса ощутима связь с праздником Преображения Господня. Это и преобладание светлых и ярких красок, по преимуществу золота и охры. Это и концы пророческих гиматиев, наподобие горы устремленные вверх. Это и четкое начертание креста в композициях трех икон местного чина, изображающих Преображение Господне, святителя Николая и святую великомученицу Ирину. В иконе «Преображение Господне» крест начертан горками, а в изображениях святителя Николая и великомученицы Ирины — фигурами и распростертыми руками святых. Редкой особенностью иконы «Святитель Николай» является то, что на крышке Евангелия изображено распятие Господне. Но именно здесь, в храме Преображения Господня, эта особенность естественна, закономерна, ибо на горе Фавор, горе своего Преображения, Христос явно свидетельствует ученикам о предстоящем Ему вознесении на Крест. Сам иконостас, как и в церкви Иоанна Лествичника, тоже является крестом, вертикаль которого проходит через иконы «Богородица “Знамение”», «Спас в силах» и царские врата, а горизонталь — через лики и руки Христа и предстоящих Ему святых в денсусе. В иконе «Спас в силах», лучшей из деисусных, движение вниз, по вертикали, подчеркнуто благословляющим жестом Христа, положением ног, складками золотисто-охристого гиматия, узкий конец которого устремлен вниз и чуть направо, точно указывая на храмовую икону «Преображение Господне». Автор этой иконы глубоко проникает в смысл изображаемого события. Энергия нетварного фаворского света выявляется через бело-золотистые одежды Христа, лучи мандорлы, пробела апостольских, пророческих одежд, активный ритм белильных лещадок трехчастной горы. Энергия эта, более сокровенная, есть и в выражениях очень тонко написанных ликов, в позах и жестах. К примеру, какая глубокая сосредоточенность изображена в лице апостола Петра в

правой нисходящей группе! Апостолы Петр, Иоанн, Иаков, павшие ниц, внутренним вниманием устремлены ко Христу — «горе имеют сердца».

Это состояние апостольских сердец передается положением фигур, складками одежд, выражением ликов. Три луча золотисто-зеленого сияния, излучаемого Христом, направлены вверх (к миру премирному), два — в сторону предстоящих Или и Моисея (которые представляют мир живых и усопших — во Христе единый), и один — вниз (к миру дольнему и пренсподнему). Так нетварным светом Преображения просвещается весь мир — созданный и несозданный. «Преображение Господне» — лучшая икона в храме, которую отличают мастерство, глубина и своеобразие в иконном явлении фаворского света.

История Свято-Успенского Кирилло-Белозерского монастыря не завершилась годом 1924-м — временем закрытием обители. Своим молитвенным дыханием обитель уже принадлежит вечности: мир прейдет и небо как свиток свиется, а сила молитвы Кирилло-Белозерского монастыря пребудет вовеки. Без возрождения иноческой жизни и богослужений в обители не может быть полноты в молитвенном дыхании Русской Православной Церкви.

Кирилло-Белозерский монастырь, как могучий духовный корень, дал молитвенную жизнь многим другим обителям. Своим внешним и сокровенным обликом — пространством, величавым, могучим — монастырь напоминает Россию — великую и видимо и невидимо. В непростое для России время был основан Кирилло-Белозерский монастырь. В еще более трудное время предстоит ему возродиться. Наряду со всеускоряющимися процессами разрушения человека и общества (для всех очевидными!) идет сокровенное созидание, которое значительно усилится, если возродится молитвенно-иноческая жизнь в некогда крупнейшей из русских обителей.

## Литература

1. Рыбин В. В. Кирилл Белозерский и Дионисий: к вопросу о русском исихазме XIV — начала XVI в. // Ферапонтовский сб. Вып. 3. М., 1991. С. 119 — 140.

2. Лелекова О. В. Иконостас 1497 г. Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря // Художественное наследие. ВНИИР. Вып. 11. М., 1988.

3. Григорий (Круг), инок. Мысли об иконе. Париж: Имка-Пресс, 1978. С. 84.